

III. М.Н.Муравьев и русская литературная культура второй половины XVIII века

Л.А.Сапченко

Ульяновск, Ульяновский государственный университет

«... Вы мой единственный покровитель...»

(Письма Н.М.Карамзина к М.Н.Муравьеву)

Статья подготовлена при финансовой поддержке

Российского Гуманитарного научного фонда. № проекта 10-04-21403 а/В.

«Дней Александровых прекрасное начало» обратило внимание Карамзина на «воспитание юношества и вообще просвещение русского народа, возвышение национальной гордости, пробуждение самостоятельности в общественной жизни» [Грот 1866: 6].

Нравственное образование, подчеркивает Я.К.Грот, было для Карамзина «корнем государственного величия». Он решает взять на себя труд по созданию истории Российского государства для воспитания в гражданах любви к отечеству и народной гордости.

В 1802 году М.Н.Муравьев был назначен товарищем (заместителем) министра народного просвещения, а с 1803 года еще и выполнял обязанности попечителя Московского университета.

28 сентября 1803 года Н.М.Карамзин, уверенный в любви Муравьева к славе отечества, обращается к нему с просьбой сообщить государю о своем «ревностном желании написать историю, не варварскую и не постыдную для его царствования» [Карамзин 1845: 2]. Карамзин, разумеется, знал, что его ожидает нелегкий труд, однако предполагал, что написание Истории государства Российского займет только «пять или шесть лет» [Карамзин 1845: 2], и просил на это время вспоможения (пенсии) от императора.

По словам Я.К.Грота, Карамзин «представляет разительный пример великого значения характера в деятельности писателя. В страстном Ломоносове нам понятно необоримое упорство стремлений; но в кротком Карамзине

нас особенно поражает энергия воли, с какою он неуклонно и неумолимо идет к одной, раз избранной им, цели. Такая сила характера объясняется только силой внутреннего призвания и таланта. На их сознании основывалось то твердое убеждение в необходимости сохранить свою независимость, которое заставляло Карамзина отвергать неоднократные предложения почетных мест по ученой или государственной службе» [Грот 1866: 2].

В 1802 г. был восстановлен Дерптский университет, открыты университеты в Вильно, Харькове и Казани. Дерптские кураторы предлагали известному русскому писателю и журналисту должность профессора, но, поскольку она требует много времени, Карамзин, чувствуя иное призвание, считал ее «неблагоприятною для таланта» [Карамзин 1845: 2; Карамзин 1866: 3]. Между тем он внимательно следил за успехами российского просвещения. «Университет оживился, – пишет он Муравьеву в уже цитированном письме. – Публичные лекции привлекают многих слушателей и без сомнения распространяют вкус к наукам» [Карамзин 1845: 3].

В том же 1803 году в «Вестнике Европы», в статье «О случаях и характерах в Российской истории, которые могут быть предметом художеств» Карамзин писал: «В XIX веке один тот народ может быть великим и почтенным, который благородными искусствами, литературою и науками способствует успехам человечества в его славном течении к цели нравственного и душевного совершенства!» [Карамзин 1984: 162]. «Вот почему, – подчеркивал Я.К.Грот, – в изданном при Александре всеобщем плане народного образования Карамзин увидел зарю новой для России эпохи» [Грот 1866: 8].

Не только свое назначение, но и дальнейшую судьбу своего авторства будущий историограф вручил М.Н.Муравьеву. Один из главных сановников, окружавших тогда престол Александра, занятый по службе делами Министерства просвещения и Московского университета, Муравьев вскоре известил Карамзина о согласии императора. Не слишком большой временной промежуток между первым и вторым письмом Карамзина служит доказательством, что «для человека, исполненного великих гражданских добродетелей»

телей, каков был Муравьев, всегда есть время, всегда есть возможность содействовать тому, что он почитает полезным», – подчеркнул публикатор карамзинских писем в журнале «Москвитянин» [Карамзин 1845: 3]. Уже 9 ноября 1803 года Карамзин обращается к Муравьеву со словами благодарности: «Вам единственно обязан я милостию государя и способом заниматься таким делом, которое может быть славно для меня и не бесславно для России; к сему одолжению вы присоединили всю нежность души кроткой, чувствительной и тем возвысили цену его... Как вам приятно делать добро, так сердцу моему сладостно быть навеки благодарным» [Карамзин 1845: 3].

И в каждом из дальнейших писем Карамзин не уставал благодарить своего «великодушного и единственного покровителя» [Карамзин 1845: 6].

Письмо от 24 декабря 1803 года посвящено Московскому университету, попечителем которого в это время был Муравьев. Карамзин отмечает, что публичные университетские лекции, в особенности по физике и истории, «имеют успех и что слушателей бывает довольно». Выпуская последнюю книжку своего «Вестника Европы» и прощаясь с публикой «на долгое время, а в некотором смысле и навсегда» (поскольку «История удаляет нас от современников») [Карамзин 1845: 7], Карамзин намеревается «с сердечным удовольствием» сказать несколько слов «о сей новой пользе» Московского университета.

Приступивший к труду историограф считает приятнейшей должностью давать Муравьеву отчет в своей работе. В письме от 12 сентября 1804 года историограф сообщает о том, что кончил введение и ответил на вопросы: «Кто были древние обитатели в России? Кто были наши предки Славяне. Варяги и Варяги-Русь? то есть дошел до времен Рюрика. «Этот шаг был самый труднейший», – признает Карамзин. Ему необходимо было осмыслить все написанное греками, римлянами и византийскими историками о славянах и других народах, имеющих отношение к истории России. «Нелегко было также, сообразив все, предложить следствия кратко, просто и ясно; не сказать ничего лишнего и не пропустить ничего существенного; всякое слово осно-

вать на историческом свидетельстве и вероятности отличить от действительной истины» [Карамзин 1845: 8].

Историограф формулирует задачи дальнейшего исследования: описать физический и нравственный характер древних славян, их правления и веры. Он надеется, если будет жив и здоров, закончить эту часть «нынешнюю зиму» и тогда уже приступить к действительной Российской истории, к описанию правления варяжских князей. История в это время не только единственное его дело, «но и главное удовольствие». [Карамзин 1845: 8]. Живейшая благодарность М.Н.Муравьеву и размышления о просвещении общества, о самой должности российского историографа заключают письмо: «Никогда не забуду, что вы, Милостивый Государь, дали мне возможность заниматься сим делом, весьма полезным в системе государственного просвещения. Я могу умереть, не дописав Истории, но Россия всегда должна иметь Историографа». [Карамзин 1845: 9]. Еще в «Московском журнале», отмечает Я.К.Грот, «была напечатана статья профессора Барсова, который, предложив план предварительных работ для сочинения русской истории, высказывал, что не только самая эта история, но уже и собирание и сличение материалов для нее может быть приведено в действие не иначе, как обществом нескольких ученых и трудолюбивых людей, при щедрых пособиях и награждениях» [Грот 1866: 14]. Теперь Карамзин уверен: «Десять обществ не сделают того, что сделает один человек, совершенно посвятивший себя Историческим предметам» [Карамзин 1845: 9]. Этот человек уединился «в ученый кабинет во время самых лестных успехов» и посвятил жизнь «безмолвным и неутомимым трудам» [Пушкин 1949, 12: 306].

Карамзин полагает, что место историографа, сопряженное «с трудами не безважными», должно в порядке государственных чинов сравняться «с местом профессорским» [Карамзин 1845: 9].

Он не спешит с изданием своих трудов и не намерен отдавать в печать ни строки, пока не дойдет до династии Романовых. Ему важно знать мнение своего покровителя: «От князя Ивана Васильевича до царя Михаила Федоро-

вича история наша представляет уже множество великих происшествий, которых описание должно решить, имеет ли автор способности, нужные для историка? Но вы должны быть моим судьёю прежде публики» (Письмо от 10 октября 1804 года) [Карамзин 1845: 10].

Испытывая постоянную потребность в серьезных источниках, Карамзин использует все возможности. Ему нужна подробная выписка из Ватиканского Архива о древнейших сношениях Пап с Россией, и для того он намеревается писать к кардиналу Гонзальви, но прежде советуется с М.Н.Муравьевым: можно ли это сделать по нынешним обстоятельствам? «Мы, кажется, теперь не имеем дружелюбной связи с Римом» [Карамзин 1845: 11]. Карамзин просит Муравьева переговорить о том с министром иностранных дел А.А.Чарторыйским: «Кардинал уважит ли мою просьбу, если наш министр не замолвит за меня слова?» [Карамзин 1845: 11]. Понимая, что в таких обстоятельствах можно быть докучливым, и надеясь на своего «единственного покровителя», Карамзин называет еще необходимые книги: труды Дюканжа – французского ученого, византиниста и лингвиста (1610-1668), получить которые надеется из академической библиотеки в Петербурге через Президента Академии наук Н.Н.Новосильцева и обязуется возратить их через почту. 3 июня Карамзин изъявляет особенную благодарность за Дюканжа и за дозволение брать книги из Университетской библиотеки, рассказывает о своих поездках в исторические окрестности Москвы и об интересных, но редких, находках в монастырских архивах.

Дюканж был возвращен в октябре, а с августа до октября жестокая болезнь мешала Карамзину заниматься его делом. Карамзин сообщает, что радуется, как ребенок выздоровлению, но сожалеет о потерянных двух месяцах. И вновь просьбы о книгах, о разрешении на свободный вход в архивы, в Оружейную Палату, подробные отчеты о ходе работы, которая «по сию пору идет изрядно» [Карамзин 1845: 13]. 6 марта 1806 года Карамзин с удовольствием пишет о том, что окончено описание времен язычества, что «мрак» для

него «пообъяснился» и что он теперь уже свободно переводит дух, не боясь «ферулы Шлецеровой» [Карамзин 1845: 13].

По поводу А.-Л.Шлецера (1735-1809), российского и германского историка, подробные объяснения дает М.П.Погодин. Он отмечает, что «первым делом Карамзина, казалось, должно было быть – письмо к учителю, к мастеру, к Шлецеру, который открыл Европе мир русских летописей, показал их значение, научил ими пользоваться, представил примеры толкования помощи иностранных источников; который снискал себе титул отца исторической критики и стал первым авторитетом в Европе для русской и вообще северной истории» [Погодин 1866, 2: 20].

Но Карамзин, хорошо знакомый с трудами Шлецера и с его строгими требованиями, не написал ему. Погодин предполагает, что начинающему историографу, верно, стало страшно, на первых порах, но, «горячее его желание писать историю, его первая надежда, основанная на поверхностном знании, – победить трудности, представила ему дело тотчас с другой стороны: На что нам пока эта немецкая ученость с ее педантическими требованиями? Стоит ли труда проливать пот над буквами и писать диссертации о каком-нибудь слове? Русским нужна книга другого рода; нужна общедоступная для всех история; по Шлецеру, надо ожидать ее лет через сто, и что же будут знать до тех пор русские люди о своем отечестве? Нет, теперь надо удовлетворить первые потребности, а ученость после: это уже роскошь!» [Погодин 1866, 2: 21].

Да, отмечает Погодин, Карамзин не получил классического образования и не имел специальной подготовки. Но приступив к самым трудным вопросам истории, к работе с источниками, он обнаружил удивительные способности схватывать на лету то, что другие узнавали двадцатилетним опытом. Карамзин учился, работая, и работал, учась. «Взор его становился яснее, круг зрения распространялся, и наконец он сказал в письме своем к Муравьеву, что “уже не боится ферулы Шлецеровой”» [Погодин 1866, 2: 30].

20 апреля 1806 года Карамзин с живейшей признательностью благодарит Муравьева (который похлопотал о разрешении Карамзину работать в архивах) за все милости и одолжения и пишет, что ждет только сообщения князя Петра Васильевича (видимо, Лопухина. – Л.С.)¹ и Петра Степановича² о высочайшем позволении иметь вход в Архивы и в Оружейную Палату.

Зная, что они оба с Муравьевым равнодушно к славе отечества, историограф прилагает к письму 1806 года (без указания точной даты) стихи, вызванные «Указом о Милиции». Речь идет о первом удачном опыте мобилизации в России перед военной кампанией 1807 года. Манифестом 30 ноября 1806 года «О составлении и образовании временных ополчений или милиции» все слои общества призывались к участию в ополчениях и к пожертвованиям. Карамзинская «Песнь воинов» призывала:

... Друзья! Вооружимся,
С врагом отечества сразимся;
Настал великодушных час:
Он наш!... [Карамзин 1966: 298]

В 1807 году М.Н.Муравьев скончался. Обратившись после его кончины к Н.Н.Новосильцеву с просьбой сообщить императору при удобном случае, что возложенная на Карамзина должность Историографа ревностно исполняется, Николай Михайлович начал письмо со слов о том, что лишился в Муравьеве единственного своего покровителя... [Карамзин 1847: 139].

В связи с изданием в 1810 году Карамзиным прозаических творений Муравьева (См.: [Муравьев 1810]) К.Батюшков писал, что, несмотря на важные свои занятия по части истории, Карамзин взял на себя приятный труд быть издателем сочинений своего покровителя, поскольку «любил в покойном авторе не одни дарования, не одно искусство писать, соединенное с обширную ученостию, но душу, прекрасную его душу. Говоря о писателе в кратком предисловии, он заключает следующими словами: *страсть его к учению равнялась в нем только с страстью к добродетели*. Прекрасные сло-

¹ Светлейший князь Пётр Васильевич Лопухин (1753 — 1827) — государственный деятель, действительный тайный советник 1-го класса.

² Вероятно, Молчанов Пётр Степанович (1772—1831) — статс-секретарь Александра I,

ва и совершенно справедливые. Кто знал сего мужа в гражданской и семейственной его жизни, тот мог легко угадывать самые тайные помышления его души. Они клонились к пользе общественной, к любви изящного во всех родах, и особенно к успехам отечественной словесности. Он любил отечество и славу его, как Цицерон любил Рим; он любил добродетель как пламенный ея любовник, и всегда, во всех случаях, оставался верен своей благородной страсти» [К.О.Б.А. 1814: 89-90]. Можно лишь добавить, что оба они испытывали также благородную страсть к просвещению и что имя М.Н.Муравьева всегда будет упомянуто рядом с карамзинской «Историей...».

Литература

- Грот Я.К. Очерк деятельности и личности Н.М. Карамзина. СПб., 1866.
 Карамзин Н.М. Соч.: В 2 т. Т. 2. Л., 1984.
 Карамзин Н.М. Письма к М.Н. Муравьеву // Москвитянин. 1845. № 1. С. 1-16.
 Карамзин Н.М. Письмо к Мантейфелю // Петербургские ведомости. 1866. № 325.
 Карамзин Н.М. Письмо к Н.Н.Новосильцеву // Москвитянин. 1847. Ч. 1. С. 140-141.
 К.О.Б.А. <Батюшков К.Н.>. Письмо к И.М.М.А. <И.М. Муравьеву-Апостолу> о сочинениях Г. Муравьева, изданных по его кончине. М., 1810 // Сын отечества. 1814. № 35. С. 87-116.
 Муравьев М.Н. Опыты истории, словесности и нравоучения... М., 1810.
 Погодин М.П. Н.М. Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. Ч. 2. М., 1866.
 Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 12. М., 1949.

И.Ю. Фоменко

Москва, РГБ

Учебные пособия по русской истории для детей и юношества в докарамзинской историографии

Вторая половина XVIII в. – определяющий этап становления русской историографии, годы решения сложнейших задач, среди которых особое место занимало создание слога исторического повествования. Уже в 1754 г. М.В.Ломоносов писал Л.Эйлеру, что императрица Елизавета «заявила, между прочим, что ей приятно будет, если я напишу моим слогом отечественную историю» [Ломоносов 1950, 6: 574]. Действительно, задача написания русской истории в течение всего XVIII в. в значительной степени воспринималась как